WIELKIE TEMATY KULTURY W LITERATURACH SŁOWIAŃSKICH
Slavica Wratislaviensia CLXIII • Wrocław 2016 • AUWr No 3729

DOI: 10.19195/0137-1150.163.9

AŁŁA SZEŁAJEWA
Санкт-Петербургский государственный университет, Rosja
a.shelaeva@spbu.ru

„Пришли годы, в которых нет мне больше удовольствия…" (концепт „старость" в хронике Николая Лескова *Захудалый род* и романе Юзефа Игнация Крашевского *Графиня Козель*)*

Концепт „старость" является одной из констант мировой культуры, относясь в то же время к *эмпирическим* или *апостериорным* понятиям[1]. В художественной литературе и искусстве в связи с этим он получает многообразное выражение, продиктованное особенностями исторической эпохи, ее культурными традициями, философско-религиозными и эстетическими основами бытия и индивидуальными характерами персонажей.

С этой точки зрения определенный интерес представляет интерпретация старости как периода, в котором осознается итог человеческой жизни, в хронике Николая Семеновича Лескова *Захудалый род.* Хроника рода князей Протозановых от летописных времен до середины XIX века ставит важные *онтологические* вопросы, опираясь в их решении на мудрость библейских книг, в частности книги Екклесиаста, и может быть прочитана как художественная иллюстрация к этому древнему тексту[2]. В последней *концептуально* важной для понимания хроники главе, возникшей отчасти в результате влияния на замысел Лескова романа Юлиуса Игнация Крашев-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-0400192.

[1] Ю.С. Степанов, *Константы: Словарь русской культуры*, Санкт-Петербург 2004, с. 84.

[2] О.В. Евдокимова, *Мудрое смирение: влияние Книги Екклесиаста на концепцию смысла бытия в хронике Н.С. Лескова „Захудалый род"*, [в:] *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*, ред. И.А. Есаулов, Петрозаводск 1996, с. 381–399.

© for this edition by CNS

ского *Графиня Козель*, многозначащим структурным элементом становится сравнение двух женских характеров в старости — княгини Варвары Протозановой и графини Козель, и это дает читателю возможность осознать вневременной смысл лесковского текста, связавшего возрастные проблемы героинь и особенности их социальных судеб. Литературные персонажи, столь далекие по своему происхождению и внутреннему миру, анализируются Лесковым с точки зрения понимания ими христианства, к которому они обращаются в связи с желанием объяснить смысл их рождения и ухода, используя религиозные тексты. Следует сказать, что пространство лесковской хроники, время в которой в своем развитии обращено вспять и исторически ретроспективно, густо населено героями, уже достигшими периода старости. Среди них и состарившиеся слуги героини и ее двор: друзья, приживалки и нахлебники, уже наделенные опытом этого периода жизни. Все они вместе и каждый в отдельности дают примеры ранней и поздней старости, естественной и случайной кончины, определенной их местом в социальной жизни и стечением обстоятельств. Однако эти примеры, также поднимающие *онтологические* вопросы о смысле и сущности человеческого бытия, с нашей точки зрения, составляют лишь фон, который оттеняет судьбы главных героев хроники князей Протозановых, чаще не доживавших до физической старости или вступавших в ее пору до определенного для такого явления срока. В связи с этим небесполезно будет привести некоторые факты из истории создания и изучения этого произведения Лескова, художественный замысел которого не был реализован автором в первой его публикации и дозревал вплоть до периода, когда писатель сам приблизился к порогу старости и обрел определенный опыт преклонного возраста.

Хроника Лескова *Захудалый род* — одно из самых любимых произведений писателя и важных для понимания его исторических и этических взглядов — до сих пор остается малоизученной. Ставшая поводом для разрыва Лескова с Михаилом Никифоровичем Катковым и его журналом „Русский вестник", где хроника была впервые опубликована в 1874 году[3], она рассматривалась, главным образом, с точки зрения авторского понимания общественной роли дворянского сословия в России, то есть идеологической стороны. Исторические источники, которые использовал Лесков при разработке этого вопроса, обстоятельно проанализированы Вячеславом Михайловичем Головко в статье *Исторический источник и художественная идея повести-хроники Н.С. Лескова „Захудалый род"*[4]. В XX веке российские историки литературы продолжили изучение хроники, главным образом, касаясь проблем текстологического порядка. Наталья Ивановна Озерова опубликовала черновые фрагменты хроники, которые разночте-

[3] „Русский вестник" 1874, № 7, 8, 10.

[4] В.М. Головко, *Поэтика русской повести*, Саратов 1992, с. 152–169.

© for this edition by CNS

ниями с дефинитивной редакцией уточняют ее текст таким образом, что дают исследователям возможность по-новому расставить акценты в оценке личности княгини Протозановой, которой была свойственна широта религиозных взглядов и уважение каждой „доброй” религии[5]. Принадлежа к „греко-российской церкви”, она „не боялась свободомыслия в делах веры и совести” и с терпимостью относилась и к иудаизму, и к магометанству[6], а в христианстве придерживалась практического направления, противопоставляя себя сторонникам „возвышенного” столичного — Хотетовой и Функендорфу. Публикация Озеровой проливает дополнительный свет на личность Червева, представленного Лесковым настоящим христианином, знавшим „истину”, и позицию княгини Протозановой по отношению к науке и образованию в России, где христианские идеалы обнаруживали полное несовпадение с общественной практикой. В последнее время появился ряд работ, посвященных изучению параллелей текста *Захудалого рода* с *Библией*, главным образом *Книгой Екклесиаста*[7]. В стороне от внимания исследователей осталась проблематика, связанная с возрастными переменами в личности героев хроники — утратой тождественного возрасту „я” и возможностями его поиска в условиях „кризиса идентификации”, если воспользоваться современным термином американского *эгопсихолога* Эрика Эриксона, и неблагоприятных для этого исторических условий. За пределами упомянутых трудов, таким образом, оказался целый пласт содержания, имеющий непосредственное отношение к теме старости и старения персонажей хроники, осознавших проблему начал и концов жизни и в связи с этим переживших кризисное состояние возраста. Он, прежде всего, касается сосланного временщиком Бироном под Оренбург князя Якова Львовича Протозанова и главной героини хроники княгини Варвары Никаноровны, к старости, несправедливо строго себя оценивавшей и сокрушавшейся, что „прожила жизнь дурно и нечестиво”[8]. В последних главах произведения после его доработки автором для публикации в *Собрании* сочинений укрупняется образ религиозного ученого и проповедника Мефодия Червева, своим аскетизмом и „противлением земным престолам, начальству и властям”[9], то есть, антигосударственными взглядами, близкого христианскому теологу и писателю второго века Тертуллиану и Льву Николаевичу Толстому, с которым у Лескова в середине 1880-х гг. уста-

[5] Н.И. Озерова, *Фрагмент черновой редакции хроники „Захудалый род”*, [в:] *Неизданный Лесков. Литературное наследство*, т. 101, кн. 1, ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм, Москва 1997, с. 239–245.

[6] Так в России до переворота 1917 года называли мусульманство.

[7] См. ссылки на работы О.В. Евдокимовой и Н.И. Озеровой в начале статьи.

[8] Н.С. Лесков, *Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых (Из записок княжны В.Д.П.)*, [в:] *idem*, *Собрание сочинений в 11 томах*, т. 5, ред. В.Г. Базанов, Б.Я. Бухштаб, А.И. Груздев, С.А. Рейсер, Б.М. Эйхенбаум, Москва 1957, с. 210.

[9] *Ibidem*, с. 205.

© for this edition by CNS

новилась прочная духовная связь. Естественному уходу из жизни этого героя, также переживавшего возрастные проблемы, предшествовало насильственное заточение в монастыре под надзором, где он был лишен возможности кому бы то ни было излагать свои „завиральные идеи". Между тем, события жизни именно этих персонажей, тесно связанных с исторической эпохой, но не уступавших в поисках высокого идеала „условиям времени и необходимости"[10], выполняют важную *нарративную* функцию и конструируют сюжет произведения. Концепт „старость" в этих сюжетных линиях история наполняет разным содержанием. Старость насильственно удаленного от двора Анны Иоанновны старшего Протозанова в экспозиционных главах хроники является, по сути, преждевременной социальной смертью, а смерть — переходом „в вечный сон праведника"[11], незаслуженно обиженного и поздно прощенного. Добровольное желание до срока перейти в старческий возраст, сосредоточив себя на служении семье, испытанное его духовной наследницей„народной" княгиней Протозановой, обнаруживает не только цельность ее натуры, но и стремление отгородиться от „большого света", его суеты и извращенных представлений о христианских ценностях. Не менее своеобразен период старости настоящего христианина мудреца Мефодия Червева, ознаменованный сознательным самоотстранением от государственной службы и „рукотворной" церкви, и обреченного на безвестное существование под надзором. События, которые переживают главные герои, вступившие в пору, как выясняется мнимой, обусловленной исторической ситуацией старости, определяют логику и развязку повествования в целом и придают сходство основных моментов его содержания с Екклесиастом, из первой главы [Екклесиаст, 1:4] которого взят *метафизически* трактуемый эпиграф произведения: „Род проходит и род приходит, земля же вовек пребывает"[12], а из второй — почерпнута мысль о том, что весь труд, которым трудился человек под солнцем, он должен будет отдать другому, нетрудившемуся, тому, кто идет после него, чтобы наследовать и распоряжаться трудом человека. „Никто не знает, — [говорит Екклесиаст, — А.Ш.] — будет ли он мудр и не распорядится ли он нажитым во зло" [Екклесиаст, 2:18–19]. Мысль о судьбе наследства не покидает княгиню Варвару Никаноровну, отдавшую все накопленное ею состояние в приданое дочери, которой, как и ее мужу, графу Функендорфу, чужды заботы о хозяйстве и крестьянах, ограбленных ими уже при вступлении в права собственников. Как писала хроникер рода Протозановых, внучка княгини, Вера Дмитриевна, на какой-то момент в результате этих обстоятельств

> твердая и чистая душа бабушки впала в слабость, утратила силу быть полезною другим и доживала жизнь, оберегая одну свою неприкосновенность. Она стала боять-

[10] *Ibidem*, с. 163.
[11] *Ibidem*, с. 7.
[12] *Ibidem*, с. 5.

© for this edition by CNS

ся тех, которые ее боялись, и архимантрит Фотий [Александр Сергеевич Пушкин об архимандрите: „Полуфанатик, полуплут, Ему орудием духовным проклятье, меч и крест и кнут, пошли нам, Господи, греховным, поменьше пастырей таких полублагих, полусвятых", — А.Ш.] начал ей являться во сне и стучать костылем[13].

Лишь перед смертью, восстановив по возможности справедливость по отношению к разоренным ее семьей крепостным и сменив достаток на бедность, княгиня обрела спокойствие, не хотела знать „ни о каких вопросах общего государственного управления"[14] и даже шутила, что теперь опять ничего не боится. Таким образом, можно сказать, что строки Екклесиаста о тщетности усилий человека создать устойчивую систему ценностей и ожидать от судьбы ответа, полагаясь на принцип справедливости (вспомним горькое заключение Протозановой *Лучшего не стоим* в момент установления над ней административной опеки), становятся сюжетной канвой *Захудалого рода*, и Лесков вышивает по ней новое содержание.

В тексте хроники при внимательном чтении можно обнаружить также скрытые цитаты из Екклесиаста, которые в осуществленных его публикациях еще не были раскрыты комментаторами. Следует отметить, что Лесков охотно обращался к этому библейскому тексту в других произведениях. Екклесиаст становился мировоззренческой основой для многих его героев в разные периоды. В раннем романе *Обойденные* (1866) писатель Долинский в минуты отчаяния после смерти любимой женщины, стремясь преодолеть депрессию, приходит к его тексту через посредничество русской литературы, цитируя строку стихотворения Н.М. Карамзина *Опытная Соломонова мудрость, или выбранные места из Екклесиаста*", задавшую тон его скорбным раздумьям о бренности бытия.

В *Дневнике Меркула Праотцева* строки из Екклесиаста звучат в ироническом контексте в авторских оценках русского дворянства. В вариантах романа *Чертовы куклы*, создававшихся примерно в те же годы, что и *Захудалый род*, Лесков использует образное описание старости и смерти из 12-й главы Екклесиаста, которое начинается словами „Пришли годы, в которых нет мне больше удовольствия…" [12:1] в размышлениях юной героини Прасковьи Брасовой о ее матери, находящейся между жизнью и смертью[15]. В виде скрытой цитаты это же описание появляется в воспоминаниях архиепископа, прощавшегося с жизнью в отдаленной сибирской епархии в рассказе *На краю света* (1875). К Екклесиасту восходит также название рассказа *Томление духа (Из отроческих воспоминаний)*, впервые опубликованного в шестом томе прижизненного собрания сочинений писателя (1890).

---

[13] *Ibidem*, с. 209.

[14] *Ibidem*, с. 210.

[15] Н.С. Лесков, *Чертовы куклы. Роман*, составление, подготовка текстов, статья, комментарии, указатель А.А. Шелаевой, серия „Литературные памятники", Санкт-Петербург 2015, с. 229–245, 342–346. См. также: Ж-К. Маркаде, *О рукописных вариантах под названием „Чертовы куклы"*, „Revue des Etudes Slaves" LVIII, 1986, с. 506–508.

© for this edition by CNS

Помимо отмеченных перекличек хроники *Захудалый род* с Екклесиастом можно остановиться на тех, которые не оформлены текстуально как цитаты или реминисценции, но несомненно близки по содержанию тону этой книги, вобравшей в себя обретенную человечеством мудрость. Здесь на первое место выходят те, что выражают *пессимизм* и *провиденциализм* в понимании поводов и причин безысходности жизненных ситуаций и бесперспективности развития исторического времени, механически разделенного на определенные периоды и равнодушного к человеку: „Всему свое время, и время всякой вещи под небом" [3, 1–8]. Притчеобразная форма этих перекличек органично вписывает их в ряд рассуждений Екклесиаста. Внезапное обретение князьями богатства в виде найденного клада трактуется как притча о Поликарпе и предсказание несчастья, всегда идущего за случайным счастьем. Вполне в духе откровений Екклесиаста, пафос которого направлен на развенчание не только материальных, но и духовных ценностей, звучит в *Захудалом роде* притча о мудреце и ученом, прочитавшем сто книг, но не сумевшем доказать свою ученость пещерному мудрецу, который назвал его дураком и послал снова учиться. Дидактический смысл этой притчи близок наставлениям Екклесиаста, который считал, что „слова мудрых, как иглы и вбитые гвозди, и составители их от единого пастыря. А что сверх всего этого… того берегись: составлять много книг конца не будет, а много читать утомительно для тела" [Екклесиаст 12:12]. Таким образом, мы можем наблюдать, что книга библейского проповедника Екклесиаста, учившая воспринимать мир как построенный на универсальном фундаменте, становится для героев Лескова источником жизненной мудрости, составившей опору их старости.

Судьба хроники *Захудалый род* довольно необычна. Лесков не мог ее закончить после первой публикации, оборванной почти на полуслове главным образом в связи с редакторским произволом Михаила Никифоровича Каткова и Николая Алексеевича Любимова, в течение четырнадцати лет. В опубликованном варианте княгиня Протозанова, в свои 35 лет ради свадьбы дочери надевшая старушечий чепец, уезжала из Петербурга в спокойствии, радости и удовлетворении. Однако в анекдотической истории замужества княжны Анастасии, скоропалительно вышедшей за престарелого вдовца Функендорфа, ощущалась определенная недосказанность. Дописанная в период подготовки прижизненного собрания сочинений, хроника была завершена только в 1889 году. Новая шестнадцатая глава полностью посвящена описанию последних лет жизни Протозановой, также как и ее родовой предок, удаленной из сферы активной жизни с помощью направленной против нее великосветской интриги. Таким образом, можно сказать, что в *Захудалом роде* изучение индивидуальной личности в период старости и ее итоговых размышлений о смысле жизни автор совмещает с историческим анализом обстоятельств, ставших причиной преждевременного и искусственного старения его любимых героев. При этом вымышленные

© for this edition by CNS

персонажи хроники вырастают до размеров исторических фигур, которые несут на себе отпечаток эпохи и накладывают на нее собственный. Это впечатление усиливает введение в произведение реальных лиц и разнообразных документальных подтверждений достоверности событий хроники, в том числе исторических сведений о древнейших российских родах. Известный ученый статистик Дмитрий Петрович Журавский, государственный деятель Александровской эпохи Михаил Михайлович Сперанский, художник Орест Кипренский в художественном пространстве произведения Лескова действуют как вымышленные герои. Это, конечно, порождает ряд хронологических неточностей, но поступки и действия этих реальных лиц отвечают умонастроениям княгини Протозановой и тесно связывают их с временем ее жизни, раскрывая таким образом идейный замысел всего произведения[16].

Этой же задаче служит обращение Лескова в хронике *Захудалый род* к роману Крашевского *Графиня Козель*. Знаток русского языка, восхищавший образностью слова читателей, среди которых были крупнейшие писатели Сергей Аксаков, Антон Чехов, Алексей Ремизов, Михаил Кузмин, Максим Горький, русской жизни и национального характера, Н.С. Лесков испытал сильное влияние польской культуры и владел польским языком. На наш взгляд, важную роль в его знакомстве с „польской цивилизацией", о чем он писал позднее в заметке *Русское общество в Париже* (1867), сыграл киевский период его жизни, когда с 1849 по 1860 год Лесков жил среди поляков. Цитаты из произведений польских, польско-украинских и польско-литовских авторов (как известно, между этими народами не было тогда государственных границ), в том числе и на польском языке, появлялись впоследствии в письмах, статьях и художественных сочинениях. Среди тех, кого цитировал Лесков, были известные поэты, публицисты и общественные деятели: Адам Мицкевич, Антон Мальчевский, Корнелий Уейский, Владислав Сырокомля[17]. Доказательством больших симпатий Лескова к польской литературе служат и воспоминания поэта, переводчика и библиографа Петра Васильевича Быкова в книге *Силуэты далекого прошлого* (1930). Он отмечает восторженные высказывания Лескова в адрес польской литературы и перечисляет имена Сигмунда Качковского, Иосифа (Юзефа) Коженевского, Крашевского, восхитивших писателя своим творчеством. В работах польских ученых Виктора Якубовского, Збигнева Бараньского, Тадеуша Шишко и др. были установлены источники цитат ряда польских авторов. Особенно много для изучения связей Лескова с Польшей сделал Тадеуш Шишко[18], в частности доказавший в своей книге, что Лесков являлся не редактором, а переводчиком романа Крашевского *Графиня Козель* и как переводчик использовал свой уже значительный писательский опыт. Этот единственный дошедший до нас литературный перевод Лескова с польского

[16] В.М. Головко, *Поэтика*..., с. 153.

[17] П.М. Лавринец, *Н.С. Лесков и польская литература*, автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук, Москва 1992, с. 1–22.

[18] T. Szyszko, *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*, „Studia Rossica" IV, 1996, c. 191.

© for this edition by CNS

языка, вышедший под названием *Фаворитки короля Августа II* [19], способствовал популярности в России произведений плодовитого польского писателя. Посвященный трагической судьбе Анны Гойм — фаворитки саксонского короля Августа II, впавшей в немилость и заточенной им в отдаленном замке, роман уже в момент его первой публикации на польском языке в 1873 году в ежемесячном журнале „Библиотека Варшавска" попал в поле зрения писателя… Лесков, который испытывал интерес к исторической теме в литературе и с ее помощью в своих художественных произведениях и критических статьях пытался активизировать историческое сознание своих современников, в Захудалом роде обратился к сравнению судеб представительниц двух аристократических родов. В 1889 году Лесков вводит в текст новой редакции хроники сопоставление княгини Протозановой и графини Козель. Внучка Варвары Никаноровны в своих заметках, составивших хронику, сравнила состояние княгини

> с состоянием известной сверстницы Августа Саксонского, графини Козель, когда ее заключили в замке. Обе они были женщины умные и с большими характерами, и обе обречены на одиночество, и обе стали анализировать свою религию, но Козель оторвала от своей Библии и выбросила в ров Новый завет, а бабушка это одно для себя только и выбрала и лишь это одно сохранила и все еще добивалась, где тут материк?[20]

Из лесковского текста со всей очевидностью следует, что писатель противопоставляет героиню Крашевского графиню Козель представительнице старой русской аристократии Протозановой, и само противопоставление полемично по отношению к идее Крашевского показать Козель христианкой. В частности, нежелание Козель анализировать Новый завет, который она оторвала от Библии и выбросила в ров, окружавший ее тюрьму (кстати, этот эпизод в переводе Лескова отсутствует), можно рассматривать как ее отказ от идей практического христианства, столь близких княгине Протозановой с ее сильными сторонами мировоззрения, такими как гуманизм и внесословность. Страдания Козель, отлученной от детей и лишенной привычного образа жизни, вызывают у Лескова сочувствие, а цельность характера Протозановой, и в старости сохранившей верность своим христианским идеалам, — восхищение. К этому следует добавить, что, ведя хозяйственные дела и воспитывая детей, княгиня никак не усилила „захудалости рода" Протозановых. В повествовании о Протозановых отсутствуют мотивы мотовства, роскоши, и захудалость их связана исключительно с лишением рода его гражданской активности, преждевременной социальной смертью его членов, которая рассматривается писателем как следствие исторических обстоятельств. Между тем, вопрос о религиозном сознании графини Козель в последние годы ее жизни не так прост, и Лесков, видимо, сознательно отказывается от более глубокого анализа круга чтения пленницы Столпянского

[19] И. Крашевский, *Фаворитки короля Августа II (Hrabina Kose)*, Санкт-Петербург 1876, с. 230.

[20] Н.С. Лесков, *Собрание сочинений…*, т. 5, с. 208–209.

© for this edition by CNS

замка, которая „окружила себя книгами, читала без устали; изучала *каббалу*, и заказывала переводить для себя разные еврейские религиозные книги, и так убивала время, не будучи в силах убить саму себя”[21]. Скорее всего, как следует из описания образа жизни графини в замке, она пришла к иудаизму, который привлек ее мистицизмом. Не случайно, увлекшись пророчествами, она пугала своих стражей тем, что появлялась у окна темницы в черном одеянии и напоминала им древнегреческую Сивиллу. Изучение *каббалы*, видимо, привело графиню к немецким хасидам, большое внимание уделявшим проблемам этики, человеческого совершенства и праведной жизни. В целом, подводя итог нашим наблюдениям, следует отметить, что принадлежащих к разным культурам героинь Лескова и Крашевского сближает их стремление к познанию религиозной мудрости, которое помогает им в преодолении кризисных состояний идентификации „я” в связи с незаслуженно рано наступившей старостью и отлучением от внешнего мира. И та, и другая, принимая свой жребий, приходят к „мудрому смирению” и сознанию того, что „счастье есть предопределение” и с человеком только то „может быть, чему должно быть по высшей воле”[22].

В современном мире идет процесс *интенсивного* формирования науки о старении, которая становится специальной областью знания, занимаясь возрастной психологией старости, многозначностью и многоаспектностью самого *концепта* „старость”, и уже накопила значительный материал для изучения этого феномена человеческого существования. Первенство в этом процессе принадлежит европейской и американской науке, ориентирующей человека в старости на продолжение активного образа жизни и достойное место в социальной среде. Вместе с тем, как нам представляется, новая русская литература, обращенная к этой проблеме в XIX веке, способствовала на *эмпирическом* материале выработке значительных социально-исторических обобщений. В этом убеждает анализ реальных, исторических, религиозных и культурно-философских примеров, связанных с темой старения, и попытка ее героев строить повседневную жизнь в соответствии с их религиозным сознанием и пониманием нравственных ценностей, обнаруженных нами в хронике Лескова *Захудалый род* и романе Крашевского *Графиня Козель*.

Библиография

Головко В.М., *Поэтика русской повести*, Саратов 1992.

Евдокимова О.В., *Поэтика памяти в прозе Н.С. Лескова*, Санкт-Петербург 1996.

Крашевский И., *Фаворитки короля Августа II (Hrabina Kosel)*, Санкт-Петербург 1876.

Лавринец П.М., *Н.С. Лесков и польская литература*, автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филолог. наук, Москва 1992.

[21] И. Крашевский, *Фаворитки короля…*, с. 214.

[22] *Ibidem*, с. 177.

© for this edition by CNS

Лесков Н.С., *Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых (Из записок княжны В.Д.П.)*, [в:] Лесков Н.С., *Собрание сочинений в 11 томах*, т. 5, ред. В.Г. Базанов, Б.Я. Бухштаб, А.И. Груздев, С.А. Рейсер, Б.М. Эйхенбаум, Москва 1957.

Лесков Н.С., *Чертовы куклы. Роман*, составление, подготовка текстов, статья, комментарии, указатель А.А. Шелаевой, серия „Литературные памятники", Санкт-Петербург 2015.

Маркаде Ж-К., *О рукописных вариантах. Под названием „Чертовы куклы"*, „Revue des Etudes Slaves" LVIII, 1986.

Озерова Н.И., *Мудрое смирение: влияние Книги Екклесиаста на концепцию смысла бытия в хронике Н.С. Лескова „Захудалый род"*, [в:] *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*, ред. И.А. Есаулов, Петрозаводск 1996.

Озерова Н.И., *Фрагмент черновой редакции хроники „Захудалый род"*, [в:] *Неизданный Лесков. Литературное наследство*, т. 101, ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм, кн. 1, Москва 1997.

Степанов Ю.С., *Константы: Словарь русской культуры*, Санкт-Петербург 2004.

Szyszko T., *Mikołaj Leskow i jego związki z Polską*, „Studia Rossica" IV, 1996.

"And the years have come when there's no more pleasure for me…" (the concept of "old age" in the chronicle *The Zahudaly Rod* by Leskov and the novel *The Contess Cosel* by Krashevsky)

Summary

In this article the problem of the concept "old age" in the chronicle is considered. Having been one of the constants of the world culture, the concept "old age" is related to the empirical or posterior concepts. In fiction literature and art it receives some varied expression, dictated by the peculiarities of a historical epoch and its cultural traditions.

From this point of view, a certain interest is given by the interpretation of old age as the period of the crisis of the age of personality identification in the chronicles *The Zahudaly Rod* by N.S. Leskov.

In the last conceptually important chapter, which is appeared as the result of the influence of the novel *The Contess Cosel* by Krashevsky, the main structural element is the comparison of two old women characters, Princess Barbara Protozanov and Contess Cosel. Their premature social death is caused by their attempt to build their everyday life accordingly with their religious consciousness and realizing of their moral values.

Keywords: the concept "old age", the constants of the world culture, peculiarities of a historical epoch, Eric Ericson, Ecclesiastic, Leskov, Krashevsky

© for this edition by CNS

„Przyszły lata, z których nie mam już zadowolenia…” (koncept „starość” w kronice Nikołaja Leskowa *Podupadły ród* i powieści Józefa Ignacego Kraszewskiego *Hrabina Cosel*)

Streszczenie

W artykule rozpatrywany jest problem koncepcji „starości” w powieściach Leskowa *Podupadły ród* (1873) i Kraszewskiego *Hrabina Cosel* (1874). Koncepcja „starości” związana jest z pojęciami empirycznymi i aposteriorycznymi. W sztuce i literaturze pięknej jest wyrażona w różnych formach, uwarunkowanych charakterem epoki historycznej, jej tradycjami kulturowymi i filozoficzno-religijnymi podstawami bytu. Z tego punktu widzenia interesująca okazuje się interpretacja starości jako okresu związanego z wiekiem kryzysu identyfikacji jednostki, zawarta w *Podupadłym rodzie*. Ideowo ważny ostatni rozdział powieści powstał pod wpływem książki J. Kraszewskiego *Hrabina Cosel*, a głównym elementem jego struktury jest porównanie dwóch postaci starszych kobiet — księżnej Warwary Protozanowej i hrabiny Cosel. W przypadku obu bohaterek próba życia zgodnie z zasadami religii i wyznawanymi wartościami kończy się przedwczesną społeczną śmiercią.

Słowa kluczowe: koncepcja „starości”, charakter epoki historycznej, Erik Erikson, Księga Eklezjastesa N.S. Leskow, J.I. Kraszewski

© for this edition by CNS